

Слава КИНГОВ

Добро пожаловать
в Пеперечино

Слава Кингов

Добро пожаловать в Пеперéчино

<https://litres.ru/74604707>

SelfPub; 2026

Аннотация

Июль 2006 года. Советский пионерлагерь «Лесная Сказка» затерян в болотном тумане Пеперечинского мыса. Взрослые делают вид, что всё в порядке, но по ночам из ржавых умывальников доносится детский шепот, а над лагерем раздается голос Безликой Вожатой, созывающий на ночную переключку.

Двадцатилетняя тайна исчезновения четвертого отряда начинает повторяться: бесследно исчезает девятилетний Лёшка, а его имя буквально смывается из лагерного журнала.

Четверым подросткам предстоит спуститься в затопленный подвал под водонапорной башней, где под советским бетоном дышит древний Земляной Судорог. Чтобы выжить и вернуть друга, им придется сделать то, на что не восстали взрослые: перестать отзываться на фальшивые голоса своих травм и вслух выкрикнуть имена тех, кого приказали забыть.

«Она питается теми, кто остался один. Но чугунная система ломается, когда ты отказываешься молчать».

Бескомпромиссный психологический хоррор на стыке советской готики, ностальгического саспенса и личной драмы.

Содержание

Пролог	5
Глава 1. «ПАЗик» идет на восток	10
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Слава Кингов

Добро пожаловать в Пеперéчино

Пролог

«У каждого места на этой проклятой планете есть свой вкус, — Слава Кингов откинулся на спинку скрипучего стула, глядя на ровные, еще влажные строчки, выползающие из железного нутра печатной машинки Лира. На часах было три часа ночи, за окном его избы глухо и тревожно шумели пеперечинские тополя, а в граненом стакане медленно остывал растворимый кофе «три в одном». — Если вы выросли в большом городе, ваш вкус — это известковый налет на чайнике, выхлопные газы, хлорка и едва заметный искусственный привкус фтора. Город маскирует свою гниль. Но настоящая, вековая глушь вкусит иначе. Настоящая русская провинция на вкус всегда как железо.

Ржавчина. О, бог мой, ржавчина.

Это не просто оксид железа, как вам скучно скажут в школьном кабинете химии, поправляя съехавшие на нос очки. В таких местах, как село Пеперечи́но, ржавчина — это четвертое состояние вещества. Это осязаемая плоть са-

мого времени, которое когда-то решило остаться здесь навсегда, застряло в колдобинах, сломалось и теперь медленно гниет под палящим, равнодушным июльским солнцем. Она повсюду. Она на облупившихся трубах котельной, на дужках старых панцирных кроватей в бараках, на пожарных щитах, на звеньях цепей и на самом дне колодцев.

Вы пьете эту воду, и вам кажется, что вы сосете старый, обросший зеленой патиной советский пятак, вытисненный из могилы. Вы умываетесь ей, и на вашей коже остается едва заметный коричневый ободок — словно сама земля Пеперечинского мыса оставляет на вас свой фирменный знак качества. Свою невидимую печать, которую не смыть ни одним мылом в мире. Вы становитесь собственностью этого места, его частью, еще до того, как успеете разобрать свой чемодан.

Ржавчина — это болезнь памяти. Когда что-то слишком долго лежит без дела — будь то заброшенный пионерский лагерь, старая водонапорная башня или человеческая душа, запертая в глухомани, — оно неизбежно покрывается этим бурым, шероховатым налетом. Ржавчина разъедает металл медленно, миллиметр за миллиметром, превращая крепкую сталь в труху, которая рассыпается от малейшего прикосновения. Точно так же Пеперечино разъедало рассудок тех, кто оставался здесь надолго.

Говорят, человек на семьдесят процентов состоит из воды. Так вот, дети, которых старый ПАЗик дяди Коли вы-

плюнул у ворот Лесной сказки в тот роковой июльский четверг, очень быстро поняли: вода внутри них начала ржаветь. Их мысли подернулись бурой коркой паранойи. Их кровь стала тяжелой и соленой. А когда трубы лагеря начинали выть по ночам, им казалось, что это кричит само железо, сожранное временем изнутри.

Вы готовы войти в этот лагерь? Только не пейте сырую воду. Поверьте, мне на слово. Слава Кингов плохого не посоветует».

Слава тяжело вздохнул, хрустнул затёкшей шеей и поднялся со стула. Половицы под его ногами отозвались тоскливым скрипом. Он подошел к окну своей покосившейся избы, стоявшей на самом отшибе села.

Окно обрамляли старые советские занавески — плотный, выцветший от времени тюль с узором из карикатурных крупных ромашек. Сквозь эти дырчатые цветы, пожелтевшие от табачного дыма и кухонного чада, Слава посмотрел вдаль, туда, где за черной полосой соснового бора вздымался холм.

Там, на Пеперечинском мысу, спал лагерь. Отсюда он казался скоплением серых гробов, брошенных среди деревьев. И над всем этим безмолвием, как указующий перст старца, высилась ржавая водонапорная башня. В три часа ночи она выглядела абсолютно черной, но Слава готов был поклясться, что её железный бок тускло поблескивал, словно покрытый какими-то влажными нечистотами.

На подоконнике, рядом с пыльной стопкой старых газет,

выстроился его скромный ночной паек. Стеклянная бутылка «Буратино» Челябинского разлива с потрепанной бумажной этикеткой и липким следом от сорванной пластиковой пробки — привет из ушедших девяностых, который до сих пор можно было найти в местном сельпо под слоем вековой пыли. Рядом темнела жестяная банка импортного сиропа «Hershey's», давно просроченная, но бережно хранимая как артефакт чужой и красивой жизни.

Слава взял бутылку «Буратино», сделал большой глоток. Лимонад был выдохшимся, приторно-сладким и оставлял на языке то самое химическое, колющее послевкусие дешевой эссенции, смешанной с местной колодезной водой. Он снова посмотрел сквозь ромашковый тюль на холм.

Слава снова притронулся к стеклу. Там, далеко внизу, по разбитой грунтовке Пеперечинского мыса, бесшумно двигались два тусклых пятна желтого света. Он прищурился. Это был старый «ПАЗик» дяди Коли. Автобус ехал беззвучно, словно плыл в густом, как пар, тумане, и его ржавые бока едва угадывались в темноте. Но самое странное было не это. До первой смены оставалось еще три дня. По всем законам логики и расписания районного автопарка, этот автобус сейчас должен был стоять на бетонной стоянке в райцентре за сорок километров отсюда. Но он был здесь. Настоящий, железный, пахнущий бензином и сырой землей.

Слава пару секунд молча смотрел, как ПАЗик медленно растворяется в сосновом бору, направляясь к запертым

воротам «Лесной сказки». Потом он медленно, без лишней спешки потянул за край пожелтевшего ромашкового тюля и наглухо задернул занавеску.

Он повернулся спиной к окну, подошел к кухонному столу, на котором лежал завернутый в полиэтиленовый пакет кусок ржаного черного хлеба. Стёпа отрезал толстый горбушечный ломоть. Из пиалы он достал ложку белого, перекрученного с чесноком и солью старого свиного сала. Почти успокаивающим движением он густо намазал массу на хлеб. Чесночный запах тут же перебил химическую сладость «Буратино».

Некоторые вещи просто не стоят того, чтобы их замечать. О некоторых вещах не стоит думать слишком долго. Особенно если ты живешь в селе Пеперечино, а на часах три часа ночи.

Слава Кингов откусил хлеб, вернулся к столу и снова занес пальцы над клавишами печатной машинки. Кошмар должен был продолжаться по расписанию.

Глава 1. «ПАЗик» идет на восток

Старый желтый «ПАЗ-672» был так нутужно, словно в его бензобаке вместо низкооктанового бензина бурлила густая болотная жижа. Автобус швыряло на ухабах разбитой грунтовой дороги, и каждый раз, когда задний мост с глухим железным стуком бился о раму, двенадцать детей внутри салона дружно подпрыгивали на протертых дерматиновых сиденьях. Из дыр в обшивке сидений торчала серая поролоновая крошка, похожая на засохший мышинный помет.

Антошка Петров сидел у самого окна, прижавшись лбом к дребезжащему стеклу. Стекло было горячим от полуденного солнца и пахло застарелой пылью. На Антошке были крахмаленные синие шорты и отутюженная мамой светлая рубашка, которая теперь безжалостно взмокла на спине. Из кармана шорт торчал белый пластиковый мундштук ингалятора «Сальбутамол». Для Антошки этот кусок пластика был важнее паспорта, важнее денег — это был его пропуск в мир живых, его личный аппарат искусственного дыхания. Его легкие всегда были готовы предать его, превратившись в узкие, забитые слизью трубки от одного лишь запаха сухой травы или кошачьей шерсти.

— Слышь, очкарик, у тебя че, мозги к стеклу прилипли? — раздался над ухом хриплый, ломающийся подростковый бас.

Антошка вздрогнул и повернул голову. Над ним стоял Ромка Токарев по прозвищу «Кабан». В свои четырнадцать Ромка выглядел на шестнадцать: тяжелая челюсть, стрижка «под машинку» со шрамом на затылке и широкие, сутулые плечи парня, который вырос на окраине райцентра в семье, где кулак отца заменял любые слова. На Ромке была засаленная безрукавка, а от самого него разило кислым запахом дешевых чипсов и подмышками.

— Нет, я просто... смотрю, — тихо ответил Антошка, стараясь не смотреть Ромке в глаза. Ломать очки в первый же день лагеря в его планы не входило.

— Смотрит он, — передразнил Кабан и смачно сплюнул прямо на грязный резиновый коврик под ногами Антошки. — Тут смотреть не на че. Дыра. Отец сказал, если я из этого загона сбегу, он мне ноги переломает. Так что сиди тихо, Петров. Будешь раздражать — твоя пшикалка в унитаз улетит.

Кабан гоготнул, обнажив неровные зубы, и пошел назад в конец салона, где сидели его новые приятели — пара местных пацанов покрепче, которые уже признали в нем вожака.

Автобус тем временем выкатился на вершину холма, и впереди показалось село Пеперечино. Отсюда оно выглядело убогим и выцветшим, словно старая фотография, которую слишком долго держали на солнце. Серые шиферные крыши изб прижимались к черной стене соснового бора, как испуганные овцы к забору.

Пеперечино умирало давно и неохотно. Деревенские избы вдоль разбитой дороги казались не жилыми домами, а древними серыми гробами, вросшими по самые окна в тяжелую, жирную землю. Покосившиеся бревенчатые стены почернели от времени и влаги, а крыши, крытые потрескавшимся от старости шифером, местами провалились внутрь, обнажая гнилые стропила, похожие на ребра огромных дохлых птиц. Почти каждый дом был окружен глухим, дырявым забором из штакетника, который держался лишь на честном слове и зарослях дикого малинника. Кое-где доски вывалились, и в этих темных прорехах, как в пустых глазницах, угадывались заросшие чертополохом и крапивой дворы.

Народ отсюда уходил, оставляя после себя призрачные следы былой жизни. У одного из покосившихся заборов, прямо в густой пыли, валялся старый детский трехколесный велосипед «Малыш». Его железная рама полностью покрылась глубокой, багровой ржавчиной, педали отвалились, а переднее колесо было дико вывернуто, словно кто-то переехал его трактором в далеком прошлом, да так и оставил гнить под дождем. Чуть дальше, возле колодца с сорванным воротом, стояла лавочка. Она полностью завалилась на один бок — одна ее деревянная ножка сгнила и ушла в землю, а на облупившейся серой перекладине виднелись глубокие трещины, в которых копошились муравьи.

Природа вокруг Пеперечино тоже выглядела чахлой и измученной. Вдоль дороги тянулись редкие, кривые березки с

ободранной корой и пожухлыми, пыльными листьями. Они были какими-то хилыми, недокормленными, приземистыми. Глядя на них, Антошка ощутил странное, давящее чувство — казалось, в воздухе этого села было так мало кислорода, что деревья просто физически не могли вырасти высокими. Словно тяжелая атмосфера Пеперечиного, плотная и вязкая от полуденного зноя, намертво придавливала их к земле, не давая расправить ветви. Что-то невидимое и злое мешало им тянуться к небу, заставляя уродливо изгибаться, горбиться и засыхать еще в подростковом, по растительным меркам, возрасте. Сухие, искривленные сучья тополей застыли в немом крике, как костлявые руки голодающих, которые тщетно пытались нащупать хотя бы глоток свежего ветра. Но ветра не было — только натужный гул слепней звенел в неподвижном, застоявшемся мареве. Село казалось полностью вымершим, если не считать пары серых, тощих кур, которые вяло ковырялись в дорожной пыли возле заколоченного здания старого сельпо.

Автобус проехал мимо этой тоскливой панорамы, и впереди показался край холма — так называемый Пеперечинский мыс, где и располагался лагерь «Лесная сказка». Когда «ПАЗик» окончательно затормозил у ворот, тормозные колодки издали такой пронзительный, скрежещущий визг, что Антошка зажал уши руками. Этот звук был похож на крик раненого животного.

— Приехали, шпана. Выметайтесь, — глухо буркнул во-

датель, дядя Коля. Он даже не обернулся к салону. Его широкая спина в синей спецовке оставалась неподвижной. Дядя Коля достал из кармана пачку «Беломора», ловко смял картонный мундштук папиросы толстыми, желтыми от никотина пальцами и чиркнул спичкой. Ему хотелось побыстрее высадить этих городских недотеп и уехать. Он помнил, что случилось здесь в восемьдесят четвертом. Он сам тогда помогал милиции прочесывать лес. Детей, ни живых, ни мертвых тогда так и не нашли, но дядя Коля знал: они не ушли из лагеря. Они просто стали частью этого места.

Двери автобуса с шипением распахнулись. Дети с тяжелыми рюкзаками и сумками потянулись к выходу, толкаясь и переругиваясь.

Навстречу им из калитки вышел старший вожатый Олег — студент пединститута в нелепой зеленой футболке с логотипом лагеря. Его лицо было бледным, а под глазами залегли темные тени. Олег пытался улыбаться, но его верхняя губа едва заметно подергивалась.

— Привет, первый отряд! — выкрикнул Олег, и его голос показался Антошке каким-то фальшивым, как треснувшая пластинка. — Строимся по двое! Сдаем путевки и медицинские справки! Добро пожаловать в «Лесную сказку»!

Лагерь встретил их запахом нагретой на солнце сосновой смолы и... чем-то еще. Этот второй запах был едва уловим, но Антошка, с его чутким обонянием аллергика, поймал его сразу. Так пахнет сырой подвал, в котором подгнили старые

доски и долго стояла тухлая вода.

Ворота лагеря были сварены из тяжелой советской арматуры. Над ними на двух железных штырях крепился резной деревянный медведь. Краска на нем почти полностью облупилась, обнажив серую, потрескавшуюся древесину. Правый глаз медведя выпал, а на месте левого остался глубокий су-чок, из которого вытекла и застыла темная, грязная капля смолы. Казалось, деревянный зверь плачет дегтем, глядя на новую смену.

Антошка шел последним, волоча за собой тяжелую сумку на колесиках. Проходя мимо ворот, он споткнулся о толстый корень сосны, который пробил старый асфальт дороги, словно колено старика. Мальчик покачнулся, его рука дернулась, и серебряный крестик на простой черной веревочке, который мама заставила его надеть перед поездкой, соскользнул с шеи.

Крестик тихо звякнул об асфальт и покатился в сторону. Антошка проследил за ним взглядом и замер.

Он упал прямо на сгнивший деревянный щит, который закрывал старый лагерный колодец на окраине ворот. Две доски щита давно проломились внутрь, образовав узкую, черную щель. Серебряный крестик скользнул по наклонной деревяшке и с сухим стуком канул в эту темноту.

— Эй, очкарик, шевелись! — крикнул вожатый Олег, но Антошка его не услышал.

Мальчик на ватных ногах подошел к колодцу. Из щели

между досками пахло таким ледяным холодом, что у Антошки мгновенно перехватило дыхание. Это был не просто холод — это был запах сырости, ржавого железа и двадцатилетнего одиночества.

Антошка опустился на колени на грязную траву у сруба и заглянул внутрь, прижав лицо к доскам.

Сначала там была только абсолютная, бархатистая чернота. Глубина колодца казалась бездонной. Но затем, где-то далеко внизу, послышался странный звук. Это не был всплеск воды. Это был влажный, долгий вздох. Будто кто-то глубоко под землей набрал в прогнившие легкие ледяной воздух.

И в этой черноте что-то изменилось. Антошка с ужасом понял, что тьма на дне колодца не однородна. Там, в самом низу, медленно зашевелились бледные, тонкие силуэты, похожие на корни деревьев или на вытянутые детские руки. Они тянулись вверх, к свету, к щели. И среди этих шевелящихся теней Антошка отчетливо увидел два тусклых, фосфоресцирующих болотных огонька, которые уставились прямо на него. На его очки. На его испуганное лицо.

— Антоша! Петров! Ты где там застрял?! — Оглушительный крик Олега над самым ухом заставил мальчика подпрыгнуть.

Антошка вскочил, тяжело и хрипло дыша. Его сердце колотилось в самой глотке, готовое выпрыгнуть наружу. Он судорожно схватился за карман, проверяя ингалятор. Флакон был на месте.

— Я... я иду, — выдавил он, отступая от колодца.
Когда он побежал

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.